

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА УЗБЕКСКОГО НАРОДА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

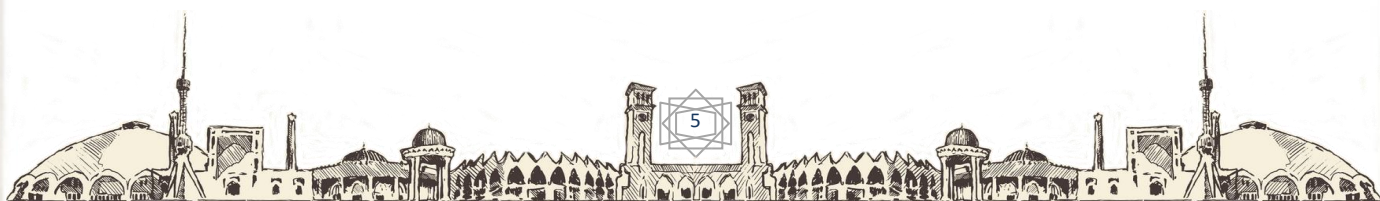
Ильясов Рустем

*Государственная консерватория Узбекистана
Кафедра «Академического пения и оперной подготовки»
Студент магистратуры II курс*

Узбекский народ, как и соседние с ним народы социалистического Востока – восприимчивы богатых традиций, уходящих истоками в глубь тысячелетий. Плодотворное, особенно по результатам последних десятилетий, изучение Средней Азии археологами, историками и этнографами указывает на то, что она принадлежит к мировым центрам, где зарождалась человеческая цивилизация.

Даже самый ограниченный перечень наиболее ярких светил на небосклоне мысли среднеазиатского Востока невозможен без упоминания бухарца Ибн-Сины (Авиценна), чей фундаментальный труд «Медицинский канон» в течение шести веков служил в Европе основным источником медицинских знаний. Об исключительной популярности канона свидетельствует хотя бы тот факт, что в годы после изобретения книгопечатания количество его изданий превышало издание Библии.

Особое место в истории создания выдающихся памятников среднеазиатского зодчества занимает XIV век – эпоха, связанная с именем Тимура. На протяжении длившихся почти сорок лет и сопровождаемых исключительной жестокостью военных походов он собрал огромные захваченные у покоренных народов богатства. Эти богатства, как и плененные в разных странах и превращенные в рабов «скудные мастера, художники, зодчие дали возможность Тимуру возводить в Мавераннахре, особенно в любимой им столице Самарканде, поражающие красотой и величием архитектурные сооружения. Среди них и поныне вызывает изумление приезжающих в Самарканд из различных уголков земного шара соборная мечеть Биби-ханым и мавзолей Гур-эмир. Временный подъем науки и культуры Мавераннахра совпадает с тем периодом, когда после окончания борьбы Шахруха за «наследство» отца правителем Самарканда становится в 1409 году внук Тимура Мирза Мухаммед Тарагай (Улугбек), известный своими трудами по астрономии. Всячески поощряя и привлекая в свою столицу выдающихся представителей мысли, Улугбек построил на площади Регистан прекрасное здание медресе, в котором наряду с богословием изучались также светские науки.

Впоследствии, в XVII веке были возведены образующие с медресе Улугбека единый ансамбль медресе Тилля-кари и здание Шер-дор. «Годами, гласит надпись на этом здании, не достигнет высокой вершины его портала мощью и усердием искусных крыльев орел ума. Веками не достигнет верха запретных его минаретов искусный акробат мысли по полету фантазии. Когда архитектор точной правильности воздвиг изгиб арки портала, небеса, приняв ее за новую луну, прикусили палец от удивления». Называя лишь некоторые, наиболее ценные из сохранившихся историческую и художественную значимость архитектурных памятников Самарканда, нельзя не упомянуть мемориального ансамбля Шахи-Зинда.

В неменьшей степени, чем архитектура, самобытно и оригинально изобразительное искусство Узбекистана. Находясь в теснейшем соприкосновении с зодчеством, оно проходило свой длительный путь развития во взаимовлиянии искусств народов Средней Азии и сопредельных с нею стран. Распространение ислама, заметно отразившись на среднеазиатской культуре, сказалось и на его изобразительном творчестве. Основное место в его развитии приобретает орнаментальное искусство, отличающееся сложнейшими и изысканными узорами с художественным претворением в них геометрических, стилизованно-растительных и зооморфных мотивов.

Если многообразный орнамент – плоскостный или рельефный (резьба по штукатурке, лепка и др.), одноцветный или красочный (изразцы, мозаика, майолика) так же, как и стенная роспись дворцовых построек, составляет неотъемлемую часть архитектуры Средней Азии, то в самой непосредственной связи с ее классической литературой следует рассматривать жанр живописной миниатюры. В XV и первой половине XVI века эта миниатюра достигает наивысшего в Хорасане и Средней Азии расцвета. Она тесно связана с деятельностью художников так называемой гератской школы, во главе с ее основоположником – «Рафаэлем Востока» Камал ад-Дин Бехзадом и такими его талантливыми учениками, как Кесим-Али, Дуст Мухаммед, Мирак Наккаш, Махмуд Мухзаххиб и другие.

Вдохновляющим тематическим материалом для этой плеяды живописцев-иллюстраторов послужило творчество классических таджикских, узбекских, азербайджанских и персидских поэтов. Именно здесь, по убеждению зарождалась священная книга «Авеста», первоначальную основу которой, по замечанию В.В.Бартольда, «составляет фольклор, эпические сказания глубокой древности». Согд, Маргиана, Бактрия, Хорезм – вот территория, на которой совершают свои поразительные подвиги герои Авесты, среди них могучий Кенешасп, чья палица нанесла смертельный удар ужасному дракону, и вступившей в

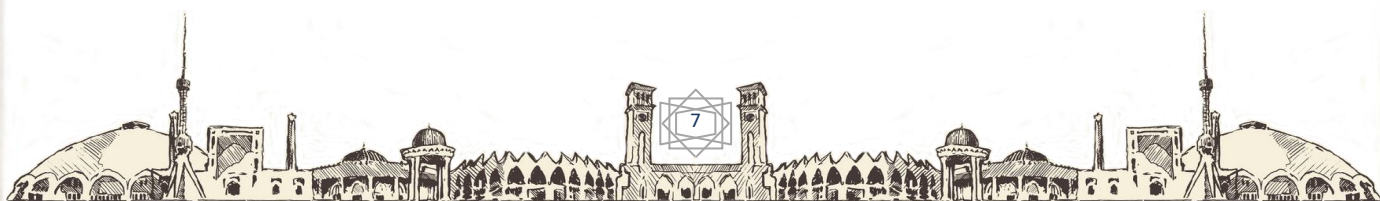

борьбу с царем Ирана туранский властитель Афрасиаб. Можно вполне предполагать, что именно в данной географической обстановке при ахеменидской династии (VI-IV века до н. э.) складывался всемирно известный эпос «Шахнаме» («Книга царей»), который через много веков, уже при Саманидах (IX-X века) получил первое литературное воплощение у замечательного лирика Дакики.

Резиденция правителей образовавшегося в XVI веке государства Шейбанидов - Бухара становится крупнейшим (особенно во второй половине столетия) культурным центром Востока.

Разумеется, о самой музыке того времени нам трудно судить, поскольку она передавалась из поколения в поколение изустно. Однако известное представление о ней и ее своеобразных особенностях позволяют получить сохранившиеся фольклорные мелодии, литературные источники и памятники материальной культуры. Среди подобного рода памятников, обнаруженных в первые десятилетия нашего века, обращает на себя внимание найденная при раскопах на городище Айртам, недалеко от Термеза, плита от карниза, здания относящегося к эпохе Кушанского царства (I-III века). На фризе этой плиты изображены обвитые листьями аканфа полуфигуры юношей и девушек, играющих на лютне, арфе, двойной флейте, двустороннем барабане и кимвалах. Очевидно флейта и лютня пользовались в то время широким распространением, так как многие произведения искусства или предметы домашнего обихода, найденные археологами в различных районах Средней Азии, донесли до нас изображения музыкантов, игравших на этих инструментах.

Весьма ценные сведения о музыке Средней Азии можно почерпнуть из сохранившихся с IX века письменных источников. Поскольку музыка в средние века, наряду с математикой и астрономией, входила в единый цикл наук, многие выдающиеся среднеазиатские деятели уделяли ей место в своих трудах, а также посвящали ее теоретическому обоснованию специальные трактаты. Следует прежде всего назвать музыковедческие работы, принадлежащие перу уже упоминавшихся ученых: «Китаб аль-мусики аль-кабир» («Большой трактат о музыке») аль-Фараби, раздел энциклопедии «Мафотих ал-улум» («Ключи к наукам») аль-Хорезми, раздел из «Китаб-уш-шифо» («Книга исцеления») и «Донишнома» («Книга знания») Ибн-Сины и другие. Авторы этих рукописей, хорошо знакомые с такими, в переводах на арабский язык, трактатами, как «Гармония» и «Ритмика» Аристоксена, «Проблемы» Аристотеля, «Гармония» и «Канон» Эвклида, развили отдельные положения музыкальной системы античности и в то же время высказали свои

оригинальные суждения, основанные на знании местного музыкального материала.

Давая определение музыке и указывая путь, по которому она должна следовать, авторы трактатов уделяют значительное внимание вопросам музыкальной теории (акустическое обоснование звука, характеристика интервалов, учение о ритме, законы композиции). Как известно, до X века гармония в ее современном значении не существовала, хотя в Западной Европе и отмечалось благозвучие таких интервалов, как октава, квинта и кварта. Аль-Фараби, а за ним и Ибн-Сина первыми открыли, что большая и малая терция также должны быть отнесены к консонансам. Труды названных авторов заключали в себе теисходные музыкально-теоретические положения, которые стали предметом научной разработки среднеазиатских ученых последующих столетий – Сафи-ад-Дина (ум. 1294), Ащ-Ширази (1236-1310), Абд ал-Кадира (ум. 1435) и целого ряда других.

В круг волновавших в то время музыкально-исследовательскую мысль вопросов вводит нас недавно увидевший свет в русском переводе трактат Абдурахмана Джами «Рисолаи мусики». Музыка в этом трактате рассматривается автором как могучая сила, воздействующая на психику человека и способная вызывать в нем различные эмоциональные состояния. Ее назначение – служить нравственному совершенствованию людей.

В учении композиции, составляющем первую часть трактата, Джами дает определение понятий музыкального тона и интервала. Остановившись на распространенной в его время семнадцатиступенной гамме, он говорит о приблизительности ее воспроизведения на инструменте вследствие невозможности добиться точной постановки: пальцев на грифе. Особый раздел отведен описанию структуры двенадцати старинных макомов. Вся вторая часть «Рисолаи мусики» посвящена учению о ритме. Исследуя вопросы ритма, Джами обращает внимание на высокую степень разработанности, сложности и изящества: ритмики в современном арабском и иранском стихотворном творчестве.

Даже самый ограниченный перечень созданных среднеазиатскими учеными трудов по музыке и многочисленные о ней упоминания в трактатах свидетельствуют о непрестанном и большом интересе к ее проблематике, а также о том важном месте, которое она всегда занимала в духовной жизни народа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. А.Жабборов. Ўзбек бастакор ва муסיқашунослари. Т., 2004;
2. Ю.Ражабий, И.Акбаров. Ўзбек халқ муסיқаси тарихи. Т., 1981;
3. А.Жабборов, Т.Соломонова. Композиторы и музыковеды Узбекистана.Т., 1975;
4. www.arxiv.uz

